

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ Р. С. БЕЛКИНА

Материалы Международной
научно-практической конференции
«К 95-летию со дня рождения
ученого, педагога, публициста»

г. Москва, 22–23 ноября 2017 г.

Электронные версии книг на сайте
www.prospekt.org

•ПРОСПЕКТ•

Москва
2018

УДК 343.98
ББК 67.52
М34

Электронные версии книг
на сайте www.prospekt.org

Редакция сборника: профессор Е. Р. Россинская, доцент Л. И. Слепнёва, кандидат юридических наук Н. С. Неретина.

М34 Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22–23 ноября 2017 г.). — Москва : РГ-Пресс, 2018. — 1040 с.

ISBN 978-5-9988-0709-1

22–23 ноября 2017 г. в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА) состоялась Международная научно-практическая конференция «Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина. К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста». Инициаторами и организаторами конференции выступили Институт судебных экспертиз Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) совместно с Академией управления МВД России, РФПСЭ при Минюсте России и Автономная некоммерческая организация «Солдружество экспертов МГЮА имени О. Е. Кутафина».

В сборник вошли представленные участниками конференции материалы, в которых освещается научное наследие профессора Р. С. Белкина, рассматриваются проблемы теории судебной экспертизы, процессуальной регламентации и методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, подготовки и переподготовки экспертных кадров.

Тезисы выступлений и статьи печатаются в авторской редакции в алфавитном порядке по фамилиям авторов. Мнение автора не всегда совпадает с точкой зрения редакции.

В работе использованы законодательные акты на июнь 2017 г.

Для научных работников, студентов, аспирантов и преподавателей вузов, практикующих юристов, а также широкого круга читателей, проявляющих интерес к судебным экспертизам.

УДК 343.98
ББК 67.52

Сборник подготовлен с использованием СПС «КонсультантПлюс».

**СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ КРИМИНАЛИСТИКИ
И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ Р. С. БЕЛКИНА**

Материалы международной научно-практической конференции
«К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста»

(г. Москва, 22–23 ноября 2017 г.)

Подписано в печать 20.03.2018. Формат 60×90 1/16

Печать цифровая. Печ. л. 65,0. Тираж 250 экз. Заказ № 953.

Отпечатано с предоставленных готовых файлов в полиграфическом центре
ФГУП Издательство «Известия»
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 6, телефон: (495) 650-38-80, izv-udprf.ru

ISBN 978-5-9988-0709-1

© Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2018

рон его многогранного таланта был дар простым и понятным языком говорить о весьма сложных вещах. Несколько поколений будущих юристов узнали о криминалистике из таких его книг, как «Ведется расследование»; «Не преступи черту» (1976), «Репортаж из мастерской следователя» (1998). Он написал даже «Криминалистический букварь» (1997) для школьников младших классов.

Несомненно, богатое творческое наследие профессора Р. С. Белкина еще долго будет объектом пристального изучения российских и зарубежных криминалистов, и они в своих научных изысканиях будут идти по намеченным им путям.

Россинский С. Б.

Собирание, формирование и исследование доказательств как структурные элементы процесса доказывания по уголовному делу

В настоящее время законодатель регламентирует процесс доказывания по уголовному делу в виде своеобразной трехчленной формулы: «собрание—проверка—оценка доказательств» (ст. 85 УПК РФ); эта же точка зрения высказывается и в большинстве научных работ по теории доказывания и доказательственному праву¹. Причем объяснить подобную позицию достаточно просто. Ведь действующий Кодекс впитал в себя положения разработанной во второй половине XX века информационной (кибернетической) теории доказательств, понимающей под доказательствами сведения (информацию). Собрание, проверка и оценка доказательств — это технологии, сводящие доказывание именно к информационному процессу, но при этом не учитывающие роли доказательственных фактов, и, таким образом, обесценивающие возможности использования в доказывании потенциала формальной логики. На данную особенность как на один из ключевых недостатков информационной теории доказательств обращал внимание Ю. К. Орлов². Для справедливости следует обратить внимание, что отдельные процессуалисты все же пытались представить структуру процесса доказывания в несколько ином виде, например, дополнив ее закреплением доказательств³ или обоснованием выводов⁴.

¹ Улянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М.: Городец, 2008. С. 130; Зажичкий В. И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2015. С. 260; и многие другие работы.

² Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. С. 62.

³ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 298.

⁴ Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань: Казанский госуниверситет, 1976. С. 8; Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы

Ввиду ограниченного объема настоящей публикации мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении всей структуры уголовно-процессуального доказывания, а заострим внимание лишь на тех его аспектах, которые имеют познавательную направленность и выражены в первом элементе предусмотренной ст. 85 УПК РФ трехчленной формулы — в собирании доказательств.

Итак, *собирание доказательств* — это начальный элемент доказывания, заключающийся в обнаружении, восприятии и фиксации в установленном законом порядке сведений, имеющих значение для уголовного дела. Собирание доказательств — достаточно устоявшаяся доктринальная категория, которая ввиду прямого законодательного закрепления в качестве одного из элементов процесса доказывания активно поддерживается большинством ученых—процессуалистов. Однако наряду с собиранием в теории выделяются и другие категории, связанные с познавательно-удостоверительным аспектом доказывания, а именно: формирование доказательств и исследование доказательств.

Формирование доказательств предполагает принципиально иной подход к первому этапу доказывания, связывающий появление доказательств не с их обнаружением или восприятием, а с приданием им надлежащей процессуальной формы. В этой связи В. А. Семенцов даже предлагает внесение ряда коррективов в ст. 86 УПК РФ с изменением ее названия на «формирование доказательств»¹. В основе данного подхода лежит высказанный С. А. Шейфером в 1972 году научный тезис о том, что готовых доказательств, то есть показаний, заключений, протоколов и т. д., в природе не существует и существовать не может, что в объективной реальности имеет место лишь полезная информация, которой придается надлежащая процессуальная форма в ходе познавательно-удостоверительной деятельности субъектов доказывания, наделенных соответствующими полномочиями². Хотя при этом С. А. Шейфер и не может претендовать на введение термина «формирование доказательств» в оборот уголовно-процессуальной науки; некоторыми учеными он использовался и ранее³.

доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1978. С. 208; и т. д.

¹ Семенцов В. А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сборник научных трудов / под ред. В. А. Лазаревой. Самара: Самарский госуниверситет, 2010. С. 239.

² Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П. А. Лупинская. М.: ВЮЗИ, 1972. С. 7, 15, 16.

³ Например: Каз И. М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: Саратовский госуниверситет, 1960. С. 78; Курьлев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Белорусский госуниверситет имени В. И. Ленина, 1969. С. 163; Дорохов В. Я. Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. №9. С. 113.

В своих работах мы также неоднократно высказывались в поддержку категории «формирование доказательств» как более логичной и отвечающей современным подходам к методологии процессуального доказывания¹. Однако наши дальнейшие исследования и рассуждения по данному вопросу привели к убеждению о некоторой ошибочности ранее высказываемых нами позиций и о необходимости частичного пересмотра отношения к формированию доказательств как к единственному способу, обеспечивающему их появление в уголовном деле. Ведь позиция С. А. Шейфера и солидарных с ним ученых о необходимости преобразования полезной информации в форму доказательств вполне разумна, но лишь в части показаний, заключений эксперта и результатов «невербальных» следственных и судебных действий², то есть доказательств, обусловленных активным поведением органов предварительного расследования и суда. В ее обоснование ученный, собственно говоря, и приводит примеры таких показаний и протоколов³. Вместе с тем, уголовно-процессуальный закон предусматривает и другие виды доказательств: вещественные доказательства, иные документы, заключения специалиста. Они предстают перед дознавателем, следователем, судом уже в готовом, окончательном виде и никакому процессуальному формированию не подвергаются. В этой связи мы не можем согласиться с учеными, обосновывающими наличие специальных юрисдикционных процедур, направленных на формирование подобных доказательств и состоящих в их обнаружении, осмотре и приобщении к делу. Уважаемые авторы, видимо, просто не проводят методологического разграничения между вещественными доказательствами, иными документами и результатами следственных и судебных действий, направленных на их обнаружение, осмотр, исследование. Тем не менее, критерии для такого разграничения вполне очевидны и заключаются в их гносеологической сущности. Вещественные доказательства, иные документы, заключения специалиста — это всего лишь предметы или документы как фрагменты объективной реальности. Они существуют сами по себе независимо от факта их обнаружения, восприятия, осмотра и т. д. По крайней мере, предусмотренные ч. 3 ст. 80, ст.ст. 81 и 84 УПК РФ процессуальные гипотезы никоим образом не увязывают эти доказательства

¹ *Росинский С. Б.* Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2013. №9. С. 86.

² Результатами «невербальных» следственных и судебных действий мы в своих работах называем доказательства, предусмотренные ст. 83 УПК РФ и традиционно именуемые протоколами следственных действий и судебного заседания.

³ *Шейфер С. А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам. М.: Норма, 2008. С. 33.

с какими-то специфическими местами их нахождения и т. д. Тогда как факты их обнаружения, осмотра и т. д. предполагают наличие пусть даже находящегося в тесной логической связи, но, тем не менее, другого доказательства — предусмотренного ст. 83 УПК РФ результата «невербального» следственного или судебного действия.

Рассматриваемые в процессуальной литературе процедуры по формированию вещественных доказательств, иных документов и т. д. представляются мнимыми, надуманными. Они являются не более чем «теоретическими фантомами» и этим мало чем отличаются от таких же мнимых механизмов формирования доказательств на основании результатов оперативно-розыскной или административной деятельности, о чем мы уже писали в других публикациях. В данном случае речь идет не столько о формировании доказательств, сколько об их процессуальной легализации, об их введении в уголовное дело посредством представления, истребования или изъятия как элемента некоторых следственных действий. Если подобные доказательства (например, иные документы, заключения специалиста) и «формируются», то за рамками уголовного судопроизводства вне установленного УПК РФ правового режима и без соответствующих процессуальных гарантий. И, следовательно, применительно к таким доказательствам более уместным является именно их собирание.

Исследование доказательств заключается в познании дознавателем, следователем, судом и другими участниками уголовного судопроизводства формы и содержания полученных доказательств в целях извлечения полезной информации, необходимой для их дальнейшей проверки, оценки и использования в процессе доказывания. Этот фрагмент познавательной деятельности, к великому сожалению, не нашел отражения в предусмотренной ст. 85 УПК РФ трехчленной структуре доказывания. Конечно во многих ситуациях, возникающих в следственной и судебной практике, исследование доказательств осуществляется как бы одновременно с их собиранием (формированием), в том числе, в рамках какого-либо следственного или судебного действия. В ряде случаев (в особенности, в ходе досудебного производства) эти этапы сильно переплетены между собой. Например, при осмотре места происшествия наряду с исследованием соответствующих объектов, их признаков, свойств, состояния, взаиморасположения одновременно формируется и новое доказательство. Аналогичная ситуация складывается в ходе производства допроса, очной ставки, освидетельствования, следственного эксперимента, других следственных и судебных действий. Однако это вовсе не означает, что собирание (формирование) и исследование доказательств не делимы и на теоретическом уровне. В гносеологическом контексте они существенно отличаются друг от друга и выступают самостоятельными элементами уголовно-процессуального познания. Кстати, в этой связи необходимо обратить внимание, что процессы

проверки или оценки доказательств также нередко переплетены с механизмами их собирания (формирования) в единое целое, что не мешает законодателю признавать их отдельными этапами доказывания.

Анализируя вопросы исследования доказательств, Р. С. Белкин неоднократно отмечал, что оно (исследование) — частный случай познавательной деятельности¹. Он писал, что это — это познание следователем или судом содержания доказательств, проверка достоверности существования тех фактических данных, которые составляют содержание доказательств, установление согласованности данного доказательства со всеми остальными доказательствами². Близкие по смыслу позиции в своих работах выдвигают В. П. Василенко, А. А. Давлетов, А. В. Кудрявцева³ и другие авторы. Хотя для справедливости необходимо обратить внимание, что некоторые ученые вкладывают в эту категорию слишком узкий смысл, олицетворяя исследование доказательств лишь с познанием, проводимым посредством специальных криминалистических средств и методов⁴.

Исследование доказательств — это такой же необходимый атрибут доказывания, как их собирание (формирование), проверка или оценка. А процессуальное познание — гораздо более широкая категория, чем она видится законодателю. Помимо собирания (формирования) и проверки новых доказательств она охватывает и механизмы их полноценного исследования. В противном случае дознаватель, следователь и, в особенности, суд из полноценных субъектов доказывания превратились бы в неких «оформителей» представленных в их распоряжение материалов. Кстати, вполне возможно, что непризнание исследования доказательств самостоятельным структурным элементом доказывания является наследием советского уголовного процесса, который был ориентирован на приоритет досудебного производства и фактически делал из судей этих самых «оформителей». В этой связи весьма уместно предложение Н. И. Газетдинова о необходимости более конкретного закрепления в тексте закона положений, регламентирующих не только собирание и оценку доказательств, но и их исследование⁵. Кстати, подобные идеи

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. М.: Норма, 1997. С. 135.

² Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966. С. 48; Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М.: Юрид. лит., 1969. С. 195.

³ Василенко В. П. Исследование доказательств на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия МВД СССР, 1978. С. 8–9; Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1997. С. 178; Кудрявцева А. В. Исследование доказательств в суде апелляционной инстанции в свете теории следственных (судебных) действий познавательного характера // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 67.

⁴ Например: Самыгин Л. Д. Расследование преступлений как система деятельности. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1989. С. 83.

⁵ Газетдинов Н. И. Реализация принципов уголовного судопроизводства. М.: Издательская группа «Юрист», 2007. С. 367.

уже получили воплощение в некоторых государствах на постсоветском пространстве, в частности, в ст. 127 нового УПК Казахстана.

Российский законодатель вспоминает про исследование доказательств лишь применительно к судебным стадиям уголовного судопроизводства. По смыслу ст. 274, 291 и 389.13 УПК РФ именно оно (исследование), а не соби́рание или формирова́ние доказательств является основным содержанием судебного следствия как в первой, так и в апелляционной инстанциях. И подобная позиция разработчиков УПК РФ хотя и неверна, но вполне объяснима. Дело в том, что в отличие от досудебного производства судебное познание осуществляется в условиях состязательности, гласности и устности. Поэтому исследуемые материалы уголовного дела не могут быть просто прочитаны судьей («про себя»), а подлежат обязательному оглашению в зале судебного заседания. А это, в свою очередь, требуют обязательной процессуальной регламентации и введения в предмет уголовно-процессуального регулирования соответствующих процедур, предусмотренных ст.ст. 276, 281 и 285 УПК РФ.

Тогда как в ходе досудебного производства исследование доказательств, напротив, зачастую происходит камерально (кабинетно) без участия сторон и других присутствующих лиц, следовательно, не требует каких-либо правовых гарантий и не нуждается в установленной УПК РФ законодательной формализации. Поэтому далеко не все используемые в досудебном производстве познавательные приемы имеют процессуальную регламентацию. Существует множество иных гносеологических способов установления следователем или дознавателем обстоятельств уголовного дела, объективная необходимость и очевидность которых обусловлена, как правоприменительной практикой, так и самым здравым смыслом. В частности, субъекты предварительного расследования обязательно должны исследовать путем личного ознакомления (прочтения) форму и содержание поступивших в их распоряжение заключений экспертов и специалистов, иных документов (справок, характеристик, выписок, актов ревизий, копий приговоров и т. д.), материалов оперативно-розыскной деятельности и других источников. Они же должны исследовать протоколы следственных действий, проведенных без их непосредственного участия (оперативными работниками или другими следователями и дознавателями). В противном случае они просто лишаются возможности оперирования данными доказательствами для установления обстоятельств, имеющих значения для уголовного дела. Кстати, в дальнейшем со всеми материалами уголовного дела должен ознакомиться и государственный обвинитель.

Но такие исследования не требуется связывать с каким-то следственным или иным процессуальным действием, сродни тому, как это происходит в судебном заседании. Законодательная формализация таких механизмов попросту лишена как высокого правового, так

и практического смысла. Вряд ли будет целесообразным устанавливать какие-то специфические механизмы личного прочтения дознавателем или следователем материалов уголовного дела. Подобные процедуры вполне могут осуществляться и в свободном порядке, при этом вовсе не лишаясь познавательной направленности и не будучи исключенными из структуры уголовно-процессуального доказывания.

Ну, и наконец, не стоит забывать о возможностях исследования доказательств заинтересованными участниками уголовного судопроизводства: подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим и т.д. Такие формы процессуального познания осуществляются посредством ознакомления с протоколами следственных действий, а по окончании предварительного расследования — со всеми материалами уголовного дела. Они позволяют указанным лицам занимать активную позицию на последующих этапах доказывания, в частности, посредством изложения своих доводов и аргументов перед субъектом правоприменения.

Таким образом, познавательно-удостоверительный элемент доказывания могут осуществляться и посредством собирания, и посредством формирования, и посредством исследования доказательств. Каждая из этих процессуально-гносеологических технологий характеризуется разумной долей автономности, обусловленной различными познавательными приемами, заложенными в их содержание, что, в свою очередь, должно отражаться в уголовно-процессуальном законе и учитываться в правоприменительной практике.

Рубис А. С., Попов Р. М.

О необходимости формирования методологических основ оценки достоверности судебных экспертиз

Несмотря на процессуально равнозначный характер всех видов и источников доказательств, гносеологическая сущность заключения эксперта, использование в процессе экспертного исследования специальных знаний и криминалистической техники детерминируют особую его весомость в процессе установления истины. Именно выводы эксперта в ряде случаев являются едва ли не единственным основанием для разрешения уголовного дела по существу. Поэтому и следователь, и прокурор, и судья не только могут, но и должны с особой тщательностью оценивать экспертное заключение как с точки зрения его относимости и допустимости, так и достоверности. Однако природа заключения эксперта как источника доказательств такова, что для его оценки органу, ведущему уголовный процесс, часто приходится применять подходы, которые кардинальным образом отличаются от подходов, применяемых при оценке иных доказательств, что в свою очередь представляет для